

Аркадий Зельцер

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА
20–30-Х ГОДОВ: ПРИМЕР ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ*

В своих воспоминаниях советские евреи нередко указывают, что враждебность окружающего населения в годы Второй мировой войны оказалась для них полной неожиданностью¹. Важно поэтому проверить отношение неевреев к евреям в предвоенные годы: не рассматривали ли евреи свое окружение сквозь призму советской пропаганды интернационализма. Необходимо также оценить, как довоенная советская социальная и национальная политика повлияла на участие местного населения в Холокосте². Был ли всплеск антисемитизма в СССР только следствием проводимой нацистами пропаганды, – или скрытое этническое напряжение уже в самый ранний период оккупации привело к подъему антисемитских настроений среди части населения, а потом и к антиеврейскому насилию, и нацистская пропаганда упала на подготовленную почву.

Материалы из открывшихся советских архивов позволяют углубить представления о межэтнических стереотипах и конфликтах в Советской Белоруссии в межвоенный период, особенно в 1930-е годы, когда сведения такого рода почти полностью исчезли из советских публикаций. Такая информация содержалась в постановлениях партийных и советских органов различного уровня, в официальной советской переписке, в том числе в регулярных или специальных отчетах ОГПУ–НКВД о настроениях населения.

* Статья основана на главе диссертации «Евреи северо-восточной Белоруссии между двумя мировыми войнами, 1917–1941» (руководитель – проф. Мордехай Альтшулер), защищенной в Еврейском университете в Иерусалиме.

Автор выражает признательность Центру исследования антисемитизма им. Видаля Сассона при Еврейском университете в Иерусалиме за поддержку.

¹ См. например: Илья Альтман, *Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945*. М., 2002. С. 430.

² О взаимоотношениях евреев и неевреев в годы войны в Белоруссии см.: Даниил Романовский, «Отношения между евреями и окружающим нееврейским населением в Восточной Белоруссии в период Второй мировой войны. К постановке проблемы» // *Евреи Беларуси. История и культура* (Минск), № 5 (2000). С. 93–127; Альтман, *Жертвы ненависти*. С. 424–436; Yizhak Arad, *Toldot ha-Shoah bi-Vrit ha-Moazot ve-ha-shtahim ha-mesupahim* (Jerusalem, 2004), pp. 763–810.

Проблема межэтнических отношений будет рассмотрена в статье на примере северо-восточной Белоруссии, в состав которой входят Витебск и Полоцк, а также ряд еврейских местечек. Такое локальное исследование позволит определить весь спектр межэтнических проблем.

1. Евреи и окружающее население: сосуществование и противостояние

Массовые миграции, урбанизация и индустриализация, начавшиеся в середине 20-х годов, существенно изменили исторически сложившееся в Белоруссии распределение социальных ролей между этническими группами и сломали давние стереотипы. Советская политика белорусизации способствовала росту национального самосознания основной этнической группы – белорусов – и подчеркивала ее значимость, вызывая сопротивление и недовольство остального населения. Особенно чувствительны к новой ситуации были квалифицированные рабочие, служащие и интеллигенция³. Все это усиливало традиционные, не всегда осознанные, недоверие и настороженность по отношению к другим группам населения, в том числе к представителям иного этноса⁴.

Белорусы в основном были крестьянами. Идеи белорусского национализма, распространенные среди белорусской интеллигенции и получившие благодаря политике белорусизации государственную поддержку, находили слабый отклик у основной части крестьянства. Белорусизация ослабевала по мере отдаления от Минска⁵.

В основе самоидентификации большей части крестьянства (в общей социально-психологической антитезе «свои – чужие») ле-

³ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 71. Л. 16.

⁴ О понятии чужака и об отношении к чужакам, уходящих корнями в родовой период и сформировавшихся в России, в значительной мере, в Средние века, см., например: Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, «“Изгой” и “изгойничество” как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода (“Свое” и “чужое” в истории русской культуры)» // *Типология культуры. Взаимное взаимодействие культур. Труды по знаковым системам*. Тарту, 1982. С. 110–121; А. Ахиезер, «Антисемитизм в России: Взгляд культуролога. Социокультурные основания антисемитизма» // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 1 (1992). С. 98–128.

⁵ Аркадий Зельцер, «Белорусизация 20-х: достижения и неудачи» // *Евреи Беларуси. История и культура* (Минск), № 3–4 (1998). С. 74, 86.

жали занятость сельскохозяйственным трудом и, соответственно, традиционный сельский уклад жизни. Важными составляющими этой самоидентификации были язык крестьян (в то время как городское население говорило на русском или на идише) и их конфессиональная принадлежность со сложившейся мифологией, сочетавшей в себе элементы религиозного мировоззрения и фольклорных верований.

К середине 20-х годов процент белорусского населения в городах был достаточно высок и продолжал расти. До революции и в первые годы советской власти многие крестьяне, оказавшись в городе, аккультурировались в русской городской среде. Во второй половине 20-х – начале 30-х годов поток мигрантов из деревень заметно возрос, и бывшие крестьяне, жившие достаточно компактно на городских окраинах, в общежитиях и бараках, оставаясь тесно связанными с деревней⁶, перестали полностью перенимать городской стиль жизни, язык и пр., но создали собственную субкультуру.

В 20-е годы началось формирование белорусской национальной бюрократии, что облегчалось политикой коренизации, формальным принципом которой было достижение пропорционального представительства этнических групп во всех областях социальной жизни. Политика коренизации вела к усилению роли белорусов и соответственно к снижению значимости остальных этнических групп⁷. При этом служащие-белорусы, как правило, оставались носителями крестьянской психологии и выразителями крестьянских интересов. Национализм белорусской интеллигенции в значительной степени опирался на традиционализм крестьянства.

В отличие от белорусов, русские в основном жили в городах. До революции они играли ключевую роль в государственном управлении и экономике, однако в послереволюционное десятилетие их позиции ослабли. Первоначально русские чиновники не хотели служить в советских учреждениях, да и советская политика поощряла замену аппарата управления новыми людьми, не связанными с прежним режимом; в результате эти места занима-

⁶ Н. Б. Лебина, *Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии 1920–1930*. СПб., 1999. С. 90–92, 229–238.

⁷ Зельцер, «Белорусизация 20-х». С. 78–82; E. Chernyavski, “Di shverikaytn fun undzer natsyonaler politik” // *Shtern*, № 3 (1927), p. 37; Mordekhai Altshuler, *Ha-Yevsekzia bi-Vrit ha-Moazot, 1918–1930. Bein leumiyut le-komunizm* (Jerusalem, 1980), p. 347.

ли представители национальных меньшинств. Важное преимущество русских – хорошее владение русским письменным языком – в ходе социальных перемен и политики белорусизации утратило прежнее значение и перестало быть обязательным критерием продвижения по службе. Все чаще определяющим фактором становились безоговорочная преданность режиму, правильное социальное происхождение, – но не национальность. Как правило, недовольство русского населения оставалось пассивным, временами прорываясь резкими антибелорусскими высказываниями и публикациями⁸.

Евреи проживали в основном в городах и местечках. Немногие были заняты в сельском хозяйстве. В годы военного коммунизма и НЭПа произошли серьезные изменения в структуре занятости еврейского населения. Из ремесленников-одиночек и работников мелких мастерских в Витебске сформировался социально привилегированный слой фабричных рабочих. Образованная часть городского еврейского населения пополнила ряды служащих; как и рабочие, они состояли в профсоюзах и в силу этого занимали сравнительно высокую ступень в советской социальной иерархии. Евреи, и прежде игравшие определенную роль в экономике региона, заняли теперь позиции в государственном управлении и в идеологических учреждениях (в партии, в комсомоле).

Взаимные межэтнические стереотипы базировались как на традиционных представлениях, сложившихся на протяжении длительного периода совместного существования, так и на критериях, которые сформировались уже после революции. В дореволюционные годы многие традиционные предрассудки (религиозные, этнические, социальные) усиливались под влиянием враждебной евреям царской бюрократии и близких к ней консервативных кругов, в том числе части интеллигенции⁹.

⁸ *Два гады нацыянальнай работы ў БССР (Збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальным пытаннях)*. Мінск, 1929. С. 93–94; *Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 годы)*. Минск, 2001. С. 124–125; Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 10051. Оп. 1. Д. 454. Л. 265; П. Рысаков, «Критика шовинизма и местного национализма» // *Революция и национальности*, № 8–9 (1930). С. 27. Существовали трения и между белорусами и поляками, а также между белорусами и латышами; проявляться они могли в конфессиональной области, в языке и в социальной сфере (НАРБ. Ф. 701. Д. 71. Л. 28; *Перед крутым поворотом*. С. 119).

⁹ R. Edelman, *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907–1917* (New Brunswick, 1980), pp. 65–101.

Новые межэтнические стереотипы явились в значительной мере результатом быстрого социального продвижения евреев, что стало возможным благодаря эмансипации, дарованной февральской революцией 1917 года. Принцип этнического равенства был полностью принят большевистским руководством, и его реализация легла в межвоенные годы в основу советской национальной политики. Поощрение национальных меньшинств в середине 20-х – середине 30-х годов способствовало быстрому социальному продвижению части еврейского населения.

Вместе с тем не всегда можно однозначно отделить традиционные стереотипы от новых. Под воздействием советской политики традиционные предрассудки изменялись и приобретали специфические советские черты.

Религиозные стереотипы – традиционная форма противостояния – в советские годы продолжали присутствовать на бытовом уровне; религиозная самоидентификация оставалась достаточно сильной. В конце 20-х годов, в период усиления продовольственных трудностей, в Витебске накануне пасхи можно было услышать, что «жиды... на свою пасху получили муку для мацы»¹⁰. По сводкам НКВД, в 1937 году в Освейском районе во время крестьянского митинга, посвященного выборам в Верховный Совет, прозвучало мнение, что будут использоваться два вида бюллетеней – синий для евреев и белый для православных¹¹.

Значимость религиозной самоидентификации свидетельствовала о слабо развитом этническом сознании неевреев: евреи воспринимались скорее как нехристиане, чем как иная этническая группа. В конце 20-х годов шестидесятилетнего еврея вытолкнули из хлебной очереди со словами: «Жиды взяли власть в свои руки и морят православных голодом»¹².

Белорусскому населению, очевидно, и в 20-е годы была свойственна отмеченная этнографами конца XIX – начала XX веков склонность к демонизации евреев («мистический страх перед евреями», по словам Бердяева)¹³. Бытовому христианскому созна-

¹⁰ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 745. Л. 381.

¹¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 31.

¹² ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 704. Л. 12.

¹³ О демонизации образа евреев в фольклорных поверьях белорусского крестьянства см.: О. Белова, «Евреи и нечистая сила (По материалам славянской

нию по-прежнему была присуща уверенность в том, что евреи используют христианскую кровь в ритуальных целях. В 1928 году этот вопрос волновал школьников Витебского округа¹⁴. В апреле 1933 года уборщица на одной из фабрик Витебска рассказывала рабочим, что однажды перед еврейской пасхой евреи заперли ее в квартире, хотели зарезать, чтобы на ее крови испечь мацу¹⁵.

Советская антирелигиозная политика также способствовала росту антиеврейских настроений. Население было уверено, что в предвзятом отношении властей к православию и в преследовании православия особую роль играют евреи. Эта уверенность, зародившись во времена изъятия церковных ценностей в начале 20-х годов, вновь дала о себе знать в ходе кампании массового закрытия культовых зданий, начавшейся в 1929 году. Крестьяне в деревнях были убеждены, что закрывают только церкви, но не синагоги¹⁶. Во время коллективизации конца 20-х – начала 30-х годов, когда евреи – члены еврейских сельскохозяйственных артелей оказались в одних колхозах с крестьянами, различия в религиозном укладе превратились в дополнительный источник конфликтов. В частности, столкновения происходили из-за того, что евреи отказывались работать в дни религиозных еврейских праздников¹⁷.

В то же время этническая или религиозная принадлежность носителей ксенофобии не стала в Белоруссии определяющим фактором: случаи агрессии по отношению к евреям встречались на предприятиях вне зависимости от того, были большинство рабочих белорусами или поляками.

Традиционные предрассудки в отношении евреев отличали прежде всего крестьян – наиболее консервативный слой населения. Крестьяне переносили на евреев свое недовольство городом;

народной культуры)» // Джошуа Трахтенберг, *Дьявол и евреи*. Москва–Иерусалим: Гешарим, 1998. С. 258–276 (особенно 260). Н. Бердяев, «Христианство и антисемитизм. Религиозная судьба еврейства» // *Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX веков*. СПб., 1993. С. 328.

¹⁴ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 24. О ритуальных мотивах антисемитизма и слухах о ритуальных убийствах в других местах страны см.: Н. Тепцов, «Монархия погибла, антисемитизм остался (Документы Информационного Отдела ОГПУ 1920-х годов)» // *Неизвестная Россия. XX век*. М., 1993. С. 327–328, 343–344).

¹⁵ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 189. Л. 266.

¹⁶ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 747. Л. 328–329.

¹⁷ НАРБ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 29. Л. 263.

более того, в Белоруссии евреи превратились в символ городского образа жизни¹⁸. Декларирование классовой избранности пролетариата лишь усиливало напряженность¹⁹.

Крестьяне, мало склонные к политическим и идеологическим обобщениям и теоретизированию, были заинтересованы в сохранении экономической стабильности и болезненно относились к угрозе голода²⁰. Когда в конце 20-х годов опасность голода стала реальностью (выросли цены, выросли налоги, началась коллективизация), враждебность крестьян к евреям-горожанам усилилась. Все чаще можно было услышать: «Что ты хочешь от жидов, они сами кушают белый хлеб, а нам и черного не дают»²¹.

Приобщение евреев (при поддержке государства²²) к сельскому хозяйству вызывало недовольство крестьянства; острый дефицит пригодных для возделывания земель и продолжавшиеся в советское время массовые миграции крестьян-белорусов на свободные земли Сибири и Дальнего Востока только ухудшали ситуацию. Крестьяне-белорусы считали себя полноправными наследниками помещичьих земель и видели конкурентов как в евреях, так и в латышских крестьянах, обычно более зажиточных и образованных.

¹⁸ Так, например, секретарь ЦК Компартии Белоруссии Криницкий указывал: «Отношение между рабочими и крестьянами есть фактически отношение между еврейскими рабочими и белорусскими крестьянами» (*Di baratung fun di yidseksyeyes ba der kompartey fun Vaysrusland // Der emes*, Oct. 23, 1925). См. также: Altshuler, *Ha-Yevsekzia bi-Vrit ha-Moazot*, p. 212; «Достижения в национальной политике в БССР» // *Трибуна*, № 20 (1928). С. 3).

¹⁹ R. Kugel, "Der yidisher arbeter un der vaysrusisher poyer" // *Der veker*, Dec. 8, 1924. О недовольстве советского крестьянства своим статусом в середине 20-х гг. см., например: Vladimir Brovkin, *Russia after Lenin. Politics, Culture and Society, 1921–1929* (London, New York, 1998), pp. 161–163; Sheila Fitzpatrick, *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization* (New York and Oxford, 1994), pp. 27–28; *Перед крутым поворотом*. С. 119.

²⁰ М. М. Кудюкина, «Отношение российского крестьянства к власти во второй половине 20-х годов» // *Российская ментальность: Методы и проблемы изучения*. М., 1999. С. 161–165; Brovkin, *Russia after Lenin*, p. 167.

²¹ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 26. Социальное недовольство принимало этнические признаки. Ср. также высказывание рабочего в Ленинграде в 1935 г., после отмены продовольственных карточек: «Только богатые будут есть белый хлеб, как и в прошлом» (Sarah Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941* (Cambridge, 1997), p. 28).

²² Тепцов, «Монархия погибла...». С. 338–342; Matthias Vetter, *Antisemiten und Bolschewiki: Zum Verhältnis von Sowjetsystem und Judenfeindschaft, 1917–1939* (Berlin: Metropol, 1995), S. 143–144.

Со своей стороны евреи видели в крестьянстве малообразованный слой населения («royersher kop» – аналог русского выражения «дубовая голова») ²³, получавший льготы при налогообложении. Острая конкуренция между евреями и крестьянами возникала не только среди местечковых и сельских кустарей, но и при распределении общественных и строительных работ, когда работодатели предпочитали евреям крестьян ²⁴.

Трения усугублялись также слабостью государственной и кооперативной торговли. Не найдя нужного товара в потребительской кооперации или не сумев продать ей свой продукт из-за заговаривания кооператива (причем если в местечковом кооперативе работали евреи, в них и видели причину неудачи), крестьяне были вынуждены обращаться к частнику, лавочнику-еврею, и покупать или продавать на худших условиях ²⁵.

В периоды массовых миграций, например, когда крестьяне уходили в города на сезонные заработки (в 20-е годы), взаимное влияние города и деревни усиливалось. Настроения горожан, в том числе отношение к евреям, передавались крестьянам; новые городские жители сохраняли крестьянскую психологию.

В городах источниками напряженности становились безработица, жилищный кризис (особенно болезненный в фабричных поселках, где большинство жителей составляли бывшие крестьяне, ютившиеся на жилой площади в два раза меньше городской санитарной нормы), а также малограмотность и низкая квалификация новых рабочих, снижавшие их конкурентоспособность ²⁶. Миграция местечковых евреев в Витебск, как и значительно более массовый приток крестьян, обостряла конкуренцию на рынке труда. Недовольство своим социальным или экономическим положением, рабочие конфликты, вертикальные (конфликт между начальником-евреем и подчиненным-неевреем, или наоборот) или горизонтальные, – все это немед-

²³ I. Guri, *Vi kumt di kats ibern vaser* (Jerusalem, 1997), p. 129. О высокомерии евреев по отношению к неевреям см., например: A komunist, "Vi zet oys di masn-arbet tsvishn di borisover arbeter" // *Der emes*, Apr. 25, 1929.

²⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 7. Л. 147.

²⁵ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 524. Л. 155; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 16.

²⁶ N. Kabakov, "Der voynung-kризis in Vitebsk" // *Oktyabr*, Aug. 8, 1926; G. F. R., "Ir kent mit der zhidovke ton vos ir vilt" // *Oktyabr*, Nov. 24, 1928.

ленно сказывалось на межэтнических отношениях. Нередко обе стороны были убеждены в существовании особого протекционизма по этническому признаку, одобренного и поддержанного властью. В 1929 году уборщица в фармацевтической лаборатории просила евреев научить ее говорить на идише, надеясь этим облегчить себе проблемы с продовольствием: «Евреям дают больше хлеба, чем русским, и если бы я умела по-еврейски говорить, то меня приняли бы за еврейку и дали бы больше хлеба»²⁷. Евреи, в свою очередь, считали, что «гой за гою тянет»²⁸.

Другим антиеврейским стереотипом, распространенным как в Витебске, так и в местечках, была вера в паразитический образ жизни евреев, процветающих за счет остального населения²⁹. Для многих бывших крестьян образ белорусской деревни, кормящей еврейский город, трансформировался в образ трудящихся неевреев и не желающих работать, но хорошо живущих евреев. Такие же обвинения нередко слышались, впрочем, и со стороны горожан и отражали старые противоречия между горожанами и евреями³⁰. В рукописной листовке под названием «Бей жидов», написанной школьницей из Городка, негативное отношение к евреям проявляется через рефлексию собственной неустроенности:

*Жид считает мужика
Хуже всех за дурака,
Хуже нету мужикам
Им усюды (всюду), как ослам.
В худшей праце и везде
Мужик заусёды впеrade (всегда впереди).*

*Он привык быть в нищете,
Не живавши в добротe,
Найхудшейших условиях бывать,
Век веками на разумных працавать (работать)³¹.*

²⁷ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 746. Л. 364.

²⁸ Об отношении евреев к неевреям см., например: П. Стасулис, «Вылазка еврейского шовиниста» // *Витебский пролетарий*, 18 дек. 1929.

²⁹ N. Kabakov, "Vos iz forgekumen afn fabrik 'Dvina'" // *Oktjabr*, Nov. 27, 1928. О подобных высказываниях по всей стране см.: Тепцов, «Монархия погибла...». С. 327–345.

³⁰ См., например: Heinz-Dietrich Löwe, *The Tsars and the Jews: Reforms, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917* (Chur, Switzerland, 1993), pp. 13–18.

³¹ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 24.

Парадоксальным образом из обвинений евреев в паразитическом образе жизни отнюдь не следовало требование принудить их к производительному труду. Наоборот, провинциальное население сохраняло сложившиеся годами представления о евреях как о торговцах или, в крайнем случае, ремесленниках. Раздражение части населения вызывал сам факт перемены евреями рода занятий, а тем более социальное продвижение. Даже городские рабочие, не говоря уже о новой белорусской бюрократии, полагали, что дело евреев – заниматься торговлей: «Еврейские работницы лентяйки, их не следует пускать на фабрику, торговать селедкой – это их дело»³².

Точно так же считалось, что евреи уклоняются от службы в армии. Существовавший в годы Гражданской войны стереотип сохранялся на протяжении 20-х годов, а возможно, даже усиливался по мере обострения напряженности в отношениях СССР с другими странами (Польшей, Англией и др.): «Они (евреи) все убегали с фронта и только старались, как бы куда залезть в тыл и поступить в милицию или губпродком. Это была их работа, а теперь их право больше, они пролезли и в канцелярию и в кооперацию, везде их полно стало, а чуть начнись война, так их ни одного не увидишь на фронте, все станут больными»³³.

Часть населения склонна была обвинять в паразитическом образе жизни как евреев, так и власти, причем к властям причисляли и образованную часть служащих, которые в отличие от «народа» производительным трудом заняты не были, но жили лучше, особенно в 30-е годы. Нередко обвинения в «паразитизме» и в «иудеократии» сливались в одно³⁴.

Новые стереотипы в отношении евреев появились как результат советских экономических, социальных и национальных преобразований. Население вносило в антиеврейские настроения политические мотивы (как писал Бердяев, «люди... связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими»³⁵). Убеж-

³² N. Kabakov, "Vos is forgekumen afn fabrik 'Dvina'" // *Oktyabr*, Nov. 27, 1928; G. F. R., "Ir kent mit der zhidovke ton vos ir vilt" // *Oktyabr*, Nov. 24, 1928. В Ленинграде часть населения считала «лодырями» и грузин (Davies, *Popular Opinion*, p. 136).

³³ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 19.

³⁴ Davies, *Popular Opinion*, pp. 136–137.

³⁵ Бердяев, «Христианство и антисемитизм». С. 331.

денность в существовании «еврейского засилья» отражала глубокий конфликт между населением и чуждой этому населению советской и партийной элитой. Так, например, рабочие видели врага в лице коммунистов, евреев и специалистов³⁶. Интеллигенция и служащие сужали эту схему до коммунистов и евреев. В некоторых случаях все эти признаки оказывались характерны для одной группы населения. Недовольство «засильем евреев» в политической элите следует рассматривать в контексте общего недовольства присутствием чужаков («неславян»). Такого рода взгляды получили распространение по всей стране и касались не только евреев, хотя, вероятно, в Белоруссии предубеждения по отношению к евреям были много сильнее, чем по отношению, например, к «кавказцам»³⁷.

Борьба с внутривнутрипартийной оппозицией, в которой видные места занимали евреи (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Лашевич, Сокольников и др.), также усиливала межэтническую напряженность. Дискредитация оппозиционеров в прессе воспринималась как освобождение от евреев³⁸. Часть населения сохраняла враждебность к Троцкому – еврею, да еще и преуспевшему в социальном плане, – даже в 30-е годы, когда он был уже выслан из СССР: «Троцкого убрали, уберем и перебьем всех жидов»³⁹. И наоборот: в 20-е годы евреи нередко считали, что стремление исключить Троцкого и Зиновьева из партии обусловлено их еврейским происхождением⁴⁰. Недовольство неевреев вызывал сам факт при-

³⁶ Davies, *Popular Opinion*, pp. 84, 129–130; Brovkin, *Russia after Lenin*, pp. 186–187.

³⁷ Davies, *Popular Opinion*, pp. 88–89. В Белоруссии НКВД зафиксировал выступление против кандидатуры Сталина в ходе выборов 1937 г. и призыв не голосовать за него «из-за национальных различий» (НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 27). Впрочем, крестьяне воспринимали его и как человека иного социального слоя. Среди белорусских крестьян циркулировали слухи о чуждом происхождении Сталина, о том, что он либо сам помещик, либо сын помещика (НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 5). Точно так же в разговорах о Кагановиче (о том, что он еврей, знали все) подчеркивалось его чуждое крестьянам социальное происхождение (НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 26).

³⁸ В. А. Шишкин, *Власть: Политика, экономика*. СПб., 1997. С. 146–150; Михаил Бейзер, *Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация*. Москва–Иерусалим, 1999. С. 105; Sh. Etfinger, "Rusia ve-ha-yehudim – nisayon shel sikum histori" // *Gesher*, № 1 (66) (1971), p. 18. Проблему рассматривает также М. Vetter (*Antisemiten und Bolschewiki*, S. 255–279).

³⁹ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 285. Л. 79.

⁴⁰ *Перед крутым поворотом*. С. 66.

сутствия евреев в местном партийном и советском руководстве. Одна из витебских коммунисток, не сумев как-то в 1928 году попасть на прием к секретарю Витебского окружкома партии, еврейку, была убеждена, что к русскому секретарю она бы обязательно попала⁴¹. По-видимому, даже рассуждения о необходимости особого внимания к евреям из-за их угнетенного положения в прошлом могли вызывать раздражение остального населения⁴², хотя до середины 30-х годов таков был общепринятый подход к проблемам всех национальных меньшинств, как евреев, так и белорусов.

Введение языка идиш в работу учреждений, – один из основных элементов советской национальной политики в отношении евреев, – могло усилить общее негативное восприятие носителей чужого языка. Разговор на идише вызывал раздражение («Все они на своем языке лопочут»⁴³). В 1927 году секретарь Евсекции Витебского окружкома комсомола в письме в ЦК ВКП(б), отмечая рост антисемитизма в Витебске, указывал на открытое недовольство использованием идиша в повседневной жизни («Жиды, жиды, разговаривают все по-жидовски. По-русски надо говорить, а не по-жидовски», и упоминал избиение еврейки – за то, что она запела песню на идише⁴⁴. Евреи, предполагая, что окружающим непонятен их язык, далеко не всегда были корректны; имевшие негативный оттенок слова типа «goy», «shikse», «fonya», «sheygets» в различных вариациях широко использовались в витебской еврейской среде⁴⁵, несмотря на то, что часть неевреев, выросших в еврейском окружении, неплохо понимала идиш. С другой стороны, не понимавшим идиш неевреям казалось, что евреи все время о них говорят⁴⁶. Недовольство усилилось, когда идиш вошел в обиход части заводских профсоюзов. На витебской швейной фабрике «Профинтерн» в 1930 году семеро рабочих-белорусов покинули

⁴¹ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 386.

⁴² А. И. Вдовин, В. Ю. Зорин, А. В. Никонов, *Русский народ в национальной политике XX века*. М., 1998. С. 273.

⁴³ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 745. Л. 337.

⁴⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 118. Л. 92.

⁴⁵ Goryachikov, "Oysvortslen dem «traditsyonaln» shovinizm" // *Der emes*, Feb. 3, 1929.

⁴⁶ B. Shulman, "Shovinizm un antisemitizm" // *Oktyabr*, Nov. 29, 1928.

собрание, где представитель газеты “Der emes” выступал на идише, несмотря на обещания, что по завершении доклада последует перевод⁴⁷. Дополнительным раздражителем стала деятельность общества ОЗЕТ, особенно когда в конце 20-х годов в него начали усиленно привлекать неевреев. Членство в обществе и участие в его лотерее на предприятиях, юридически добровольные, несли отпечаток принудительности⁴⁸. Население, уставшее от постоянных сборов в добровольные общества и от многочисленных разовых займов, рассматривало лотерею ОЗЕТ как особый «еврейский налог». Витебский служащий жаловался: «Неудобно не взять билет, если предлагает начальство, но взять билет на ОЗЕТ – это равносильно тому, что выбросить деньги в клозет»⁴⁹.

Со своей стороны еврейское население объясняло антисемитизмом многие действия новой белорусской бюрократии, как в экономической сфере, так и в области национальной политики. Так, в 1929 году в Бешенковичах среди населения было широко распространено мнение, что районное начальство, включая руководство райкома и райисполкома, в силу антисемитизма саботирует еврейскую работу и «игнорирует интересы еврейских масс»⁵⁰.

Дополнительным фактором, повлиявшим на усиление межнациональных разногласий, стала политика интернационализации, с 1927 году определявшая происходящее в промышленности, в сельском хозяйстве и в общественной сфере. Интернационализация была призвана ликвидировать этнические различия в занятости, позволить различным этническим группам привыкнуть друг к другу и тем самым уменьшить межэтнические трения; однако на практике привела к обратным результатам. Во второй половине 20-х и в 30-е годы по всей стране численность рабочих на промышленных предприятиях быстро росла; приходили люди, незнакомые с профессиональной заводской (фабричной) или даже ремесленной деятельностью, и напряженность между

⁴⁷ Li, “A muster fun farkriplungen di partey-linye in der natsarbet” // *Der emes*, Oct. 9, 1930.

⁴⁸ Бейзер, *Евреи Ленинграда*. С. 109–110.

⁴⁹ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 22.

⁵⁰ I. V. Raysin, “Ofener oportunizm in beshenkovicher praktik” // *Oktyabr*, June 20, 1929.

«новыми» и «старыми» рабочими усиливалась⁵¹. Разумеется, социальное напряжение немедленно проявлялось в чувствительной межэтнической сфере. Немногочисленные представители одного этноса, оказавшись на фабриках, где большинство составляли представители других этнических групп, сталкивались со всем комплексом межэтнических предубеждений. Неудивительно, что наиболее шумевшие проявления антисемитизма на заводах и фабриках случались на предприятиях, где евреи были меньшинством и хулиганы не сомневались в своей безнаказанности⁵². И наоборот, известен случай хулиганского поведения рабочих-евреев по отношению к белоруске, произошедший в 1930 году на витебской швейной фабрике «Профинтерн», где большинство работников были евреями⁵³.

Евреев посылали в деревню к крестьянам ради сближения двух этнических и социальных групп, что на практике далеко не всегда способствовало ликвидации напряженности, особенно в период социальных кризисов, в том числе в ходе коллективизации⁵⁴. Интернационализация колхозов, начавшаяся в середине 1929 года, привела лишь к обострению межнациональных отношений⁵⁵. Одной из причин напряжения стало несоответствие уставных положений в еврейских артелях и в новых колхозах: в еврейских артелях весь инвентарь и скот были обобществлены, а крестьяне после вступления в колхоз продолжали (частично) владеть собственностью⁵⁶. Нередко городские жители видели источник всех

⁵¹ См., например: Hiroaki Kuromiya, *Stalin's industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932* (Cambridge, 1988), pp. 87–99.

⁵² ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449; Я., «Начался процесс над хулиганами и антисемитами завода “Новки”» // *Заря Запада*, 20 марта 1929; НАРБ. Ф. 11. Д. 120. Л. 28.

⁵³ НАРБ. Ф. 11. Д. 120. Л. 87; “*Me hot gevolt makhn a shpas*” // *Der emes*, Oct. 28, 1930. Известны несколько случаев агрессии евреев по отношению к белорусам и полякам и на «нееврейских» предприятиях. В Бобруйске на фабрике «Октябрь», известной «делом Баршай», комсомольцы-евреи обварили белоруса, мотивировав это желанием отомстить за историю с Баршай. В Витебске на фабрике «Двина» еврейка-комсомолка избивала немую белоруску (*Перед крутым поворотом*. С. 94, 97).

⁵⁴ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 285. Л. 76; ГАВО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 325. Л. 36–39.

⁵⁵ См.: Н. Shmeruk, *Ha-kibuz ha-yehudi ve-ha-hityashvut he-haklait ha-yehudit ba-Beylorusia ha-Sovyetit (1918–1932)* (Jerusalem, 1961), pp. 130–153; Kh. Avrutin, “*Aroystraybn fun kolvirt di antisemitn (Polotsk)*” // *Oktyabr*, July 4, 1934; “*Kamfn far proletarisher internatsyonalizm fun numer tsu numer*” // *Oktyabr*, Aug. 8, 1934.

⁵⁶ НАРБ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 29. Л. 262; НАРБ. Ф. 255. Оп. 2. Д. 177. Л. 268; НАРБ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 29. Л. 69.

бед в присутствии евреев в руководстве колхозов: «С колхозов ничего не будет, пока евреи будут руководить колхозами и мы будем голодать»⁵⁷. Даже ослабление давления на крестьянство в марте 1930 года воспринималось частью крестьян как уступка евреям: «Дом не обогуливать (не обобществлять), корову одну не обогуливать, а у кого это? У того, кто разбазарил, осталась одна корова, и поголовно у всех евреев, – им больше чем на руку: у них дом, корова и огородик»⁵⁸.

Возможность продемонстрировать отношение к чужакам население получало в ходе выборов в центральные и местные органы власти, профсоюзы и пр. Так, например, в Городке во время выборов в местные советы в 1925–1926 годах евреи голосовали только за евреев (а неевреи, по-видимому, за неевреев)⁵⁹. В Бешенковичах во время предвыборного собрания в еврейский национальный совет в 1929 году часть избирателей покинула собрание с выкриками: «Вместе с евреями выбирать в совет не желаем»⁶⁰. Подобные настроения встречались в Белоруссии и во время выборов в Верховный Совет в 1937 году, когда крестьяне отказывались голосовать за евреев и призывали голосовать за белорусов. Так, витебский НКВД зафиксировал высказывание крестьянки-староверки, не пожелавшей голосовать за наркома внутренних дел республики Бермана, поскольку он еврей⁶¹.

Другой формой противостояния были взаимные оскорбления и насилие, получившие распространение в повседневной жизни. Враждебность на этнической почве встречалась во всех слоях общества, как в городе, так и в деревне, в том числе среди членов партии и комсомола⁶². Действия – или бездействие – властей в ситуациях межэтнической напряженности сказывались на отношении различных этнических групп друг к другу и к самой власти.

⁵⁷ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 189. Л. 253.

⁵⁸ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 747. Л. 335.

⁵⁹ Властям удалось тогда несколько ослабить это противостояние, но напряженность не исчезла (НАРБ. Ф. 4. Оп. 10. Д. 47. Л. 108).

⁶⁰ I. V. Raysin, "Ofener oportunizm in beshenkovicher praktik" // *Oktyabr*, June 20, 1929.

⁶¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 6, 27, 40.

⁶² ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 24; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 386; An oysforsher, "Tsutsyen tsu farantvortlekhkayt" // *Oktyabr*, Feb. 15, 1929; В. С. Измозик, Еврейский вопрос в частной переписке советских граждан середины 20-х годов. По

2. Межэтнические конфликты и политика властей

Позиция советского руководства по отношению к межэтническому противостоянию, в том числе антисемитизму, в 20–30-е годы исходила из общей партийной установки на оперативное и постоянное вмешательство во все вопросы повседневной жизни. Несоблюдение этого принципа считалось отклонением от партийной линии – «хвостизмом» (на идише «ekizm») ⁶³. Так, секретарь Главного Бюро Евсекций Белоруссии Бейлин в конце 1926 года наряду с антисемитизмом отсталых крестьян и антисемитизмом интеллигенции подчеркивал и специфическую, по его мнению, для Белоруссии разновидность – «антисемитизм из-за хвостизма», когда представители советской и партийной бюрократии, позволяя себе антисемитские выходки, видели себя «выразителями настроений народных масс» ⁶⁴.

С 1926 года и вплоть до конца 1928 повышенное внимание властей к проблеме антисемитизма ⁶⁵ не выходило за рамки общего требования усилить агитационную работу; иногда – в крайних случаях – принимались административные меры. В январе 1928 года, когда об антисемитизме писали уже повсеместно, агитпроп Витебского окружкома отказывался придать борьбе с ним характер специальной кампании и полагал достаточным увязать ее «со всей текущей работой» ⁶⁶.

Позиция властей Белоруссии изменилась после громкого дела об издевательствах над еврейкой Баршай на стекольном заводе

материалам перлюстрации // *Вестник Еврейского университета в Москве*, № 3 (7) (1994). С. 164–188; Тепцов, «Монархия погибла...». С. 327–351.

⁶³ М. Kiper, "Di shtelung fun der frage vegn antisemitizm" // *Di royter velt*. 1927. № 1. Р. 79. Позже, в 1929 г., когда на фоне борьбы против правого уклона развернулась кампания партийных чисток, отсутствие реакции на проявления антисемитизма расценивалось как недостаточное внимание к требованиям партии (Altshuler, *Ha-Yevsekziya bi-Vrit ha-Moazot*, p. 264).

⁶⁴ "Shlos-vort fun khaver Beylin. Farbreyster plenum fun der yidbyuro bam Ts.K. K.P.V." // *Oktyabr*, Nov. 26, 1926.

⁶⁵ Бейзер, *Евреи Ленинграда*. С. 110; В. Pinkus, *The Jews of the Soviet Union: The History of the National Minority* (Cambridge, 1988), p. 86; Тепцов, «Монархия погибла...». С. 353–356; Г. Костырченко, *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. М., 2001. С. 106–107.

⁶⁶ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 671; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449–452. См. также: С. М. Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. New York, 1952. С. 83–87; D. Mats, "Vegn kamf mit dem antisemitizm" // *Der emes*, May 19, 1928.

«Октябрь», расположенном недалеко от Бобруйска⁶⁷. Сведения о произошедшем появились в прессе в ноябре 1928 года. Руководство Белоруссии, по-видимому, опасалось широкого распространения подобных эксцессов, поэтому было предложено «принять репрессивные меры в отношении антисемитов, ведущих открытую антисемитскую агитацию»⁶⁸.

На вторую половину ноября 1928 года в Белоруссии пришлась беспрецедентная для 20–30-х годов кампания, направленная исключительно против антисемитизма, вне схемы борьбы партии на два фронта. Однако уже в конце ноября кампания по искоренению антисемитизма была введена в рамки общей борьбы против отклонений от партийного курса. Вновь назначенный первым секретарем ЦК компартии Белоруссии еврей Ян Гамарник⁶⁹, говоря о национальной политике, подчеркивал в своих выступлениях универсальность партийной борьбы с шовинизмом (будь то великорусский, белорусский, еврейский или польский шовинизм, усиление которых он увязывал с нарастанием классово-борьбы), – хотя и придавал особое значение нетерпимости к антисемитизму⁷⁰. В посвященной этому вопросу передовице минского «Октября» пересматривалась прежняя точка зрения, объяснявшая еврейский шовинизм реакцией на антисемитизм, в свете общего партийного тезиса, гласящего, что местный национализм «является реакцией на национализм великорусский, ответом на него, известной обороной»⁷¹. Новая же «партийная диалектика» утверждала, что при наличии общих контрреволю-

⁶⁷ “Di antisemitische khuliganes fun zavod ‘Royter Oktyabr’ vern ibergegebn tsum gerikht // *Der emes*, Nov. 15, 1928; “A fakt fun barbarishn antisemitizm” // *Der emes*, Nov. 18, 1928. Дело Баршай не было первым в СССР уголовным делом о хулиганстве на почве антисемитизма. См. А. Д. Miral, “9 khadoshim ifise far a antisemitishn ‘shpas’” // *Der emes*, July 3, 1928; А. Д. Т., “Haynt mishpet men vider di okhotnoryader khuliganes” // *Der emes*, Sept. 23, 1928; Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. С. 74–77.

⁶⁸ Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. С. 87–88. Цитируется постановление, опубликованное в *Der emes* 18 декабря 1928.

⁶⁹ Гамарник Ян Борисович (1894–1937) – советский военный и политический деятель. С 1915 по 1917 гг. учился на юридическом факультете Киевского университета. Свояк Х.-Н. Бялика. В РСДРП с 1916 г. В 1919–1920 гг., во время Гражданской войны, был комиссаром дивизии на Южном фронте. В 1928–1929 гг. – первый секретарь ЦК КПБ, затем начальник политуправления Красной Армии. Покончил с собой в годы массовых репрессий.

⁷⁰ “Vi shteyt di natsionale frage in Vaysrusland” // *Der emes*, Dec. 9, 1928.

⁷¹ *Двенадцатый съезд РКП(б)*. Стенографический отчет. М., 1968. С. 487.

ционных целей, каждое явление имеет собственные социальные корни: антисемиты – агенты кулаков и попов, еврейские шовинисты – нэпманов и раввинов⁷². В декабре 1928 года Центральное Бюро Евсекций в Москве окончательно констатировало, что подчеркивание антисемитизма в ущерб другим формам «кулацко-нэпманской активности» является проявлением мелкобуржуазного влияния⁷³, а недооценка еврейского национализма и шовинизма – признаком правого уклона в еврейской среде⁷⁴.

Белорусские власти также отмечали перекося в деятельности судебно-следственных органов в сторону борьбы с антисемитизмом, при известной снисходительности к другим проявлениям национальной вражды⁷⁵. Более того, часть белорусского руководства полагала дальнейшее расширение кампании против антисемитизма излишним. Многие в бюрократической среде – и не евреи, и евреи – были убеждены, что особое внимание к проблеме ведет лишь к усилению антисемитизма⁷⁶. В конце 1928 года Мартин Карклин, председатель экономического совета при Совете народных комиссаров БССР, выразил недовольство замечанием секретаря витебской Евсекции о необходимости усиления правительственных мер по борьбе с антисемитизмом. Его отповедь вызвало и утверждение, что советские органы уделяют борьбе с антисемитизмом меньше внимания, чем партийные⁷⁷.

Власти оказались перед смущающей идеологической дилеммой: рабочие (наиболее «прогрессивный» класс) участвовали в уголовно наказуемых деяниях на этнической почве. Двусмысленность была устранена в ноябре 1929 года специальным постановлением ЦК КП(б)Б, в котором ответственность за национализм любого толка возлагалась на социально враждебные, по оценкам

⁷² *Oktyabr*, Дек. 2, 1928. Точно так же Криницкий уже в январе 1927 г. отрицал, что белорусский национализм растет как реакция на национализм русский, утверждая, что это явление имеет собственные корни (Altshuler, *Ha-Yevsekziya bi-Vrit ha-Moazot*, pp. 228–229).

⁷³ Протокол ЦБ Евсекции от 21–22 декабря 1928 г. (*Der emes*, Jan. 22, 1929).

⁷⁴ «Аб барацьбе з правым ухілам у яўрэйскім асяродзішчы (Рэзалюцыя пленуму цэнтральнага бюро яўрэйскіх секцый)» // *Зьвязда*, 15 марта 1929.

⁷⁵ НАРБ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 16. Л. 726.

⁷⁶ Ю. Ларин. *Евреи и антисемитизм в СССР*. Москва–Ленинград, 1929. С. 280; Kh., “Tsi darf a komunist a yid helfn dem kamf kegn antisemitizm” // *Der emes*, May 25, 1928.

⁷⁷ НАРБ. Ф. 255. Оп. 2. Д. 130. Л. 15–16.

властей, слою населения. Следственным органам предлагалось, «не ослабляя борьбы со злостными проявлениями антисемитизма... привлекать к ответственности не только конкретных носителей национальной ненависти, но их вдохновителей [из кулацко-нэпманской среды], к которым следует применять наистрожайшие меры пресечения»⁷⁸.

В рамках этой новой схемы витебское партийное руководство стало уделять много внимания росту «национально-шовинистических настроений среди отдельных еврейских рабочих»⁷⁹. На предприятиях Витебска были организованы собрания, где подчеркивалось, что «шовинизм и антисемитизм имеют в истоке национализм, который является врагом пролетариата»⁸⁰.

Вплоть до постановления ЦК КП(б)Б по делу Баршай административные и уголовные наказания применялись крайне редко. Наиболее активные антисемиты считались хулиганами, а то и контрреволюционными элементами. Антисемитизм рассматривался скорее как дополнительный пример девиантного (контрреволюционного) поведения. Однако даже в таких случаях власти не всегда были готовы прибегнуть к репрессивным мерам. Лишь после усиления борьбы с антисемитизмом в конце 1928 года жесткие меры стали широко применяться⁸¹.

Население неоднозначно реагировало на подготовленные в Витебске в 1928–1930 годах показательные судебные процессы по обвинениям в национализме. Например, на расположенном неподалеку от Витебска заводе «Новки» хулиганы чрезвычайно грубо, цинично издевались над работницей-еврейкой – обзывали ее «жидовкой», «ездили на ней верхом» в туалет, обливали холодной водой и т. д. В 1929 году суд над мастерами-антисемитами мог вызывать сочувствие рабочих-неевреев, которые сами страдали от тех же мастеров (от избиений, насилия и пр.) и видели

⁷⁸ "Vegn kamf fun di gerikht-oysforsherishe organen kegn antisemitizm. Bashtimung funem sekretaryat fun Ts.K. K.P.(b.)V." // *Der emes*, Nov. 26, 1929; НАРБ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 16. Л. 726.

⁷⁹ "Di partey bakamft dem antisemitizm un shovinizm" // *Oktyabr*, Dec. 28, 1928.

⁸⁰ Fayershteyn, "Der proletaryat muz zikh optreyslekh fun azelkhe khuliganes!" // *Der emes*, Dec. 12, 1928. Alfa. «Антисемитизм и шовинизм – дело контрреволюции» // *Заря Запада*, 26 янв. 1929.

⁸¹ Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. С. 73–78; НАРБ. Ф. 701. Д. 1. Л. 625; *Трибуна*, № 12 (1928). С. 23.

в происходящем расплату за свои собственные унижения⁸². В то же время на фабрике «Двина», которая в конце 1928 года, после публикации статьи в витебской газете «Заря Запада», привлекла внимание властей, были выбраны для общественного осуждения не столь вопиющие проявления антисемитизма (на фабрике, впрочем, процветавшего). В одном случае еврейка Храпунова пожаловалась механику Лиховидову, известному антисемиту, что у нее упал ремень с привода на станке, а услышав в ответ матерную брань, развернулась и, подняв юбку, сказала: «Поцелуй мне туда». В ответ последовало: «Жиды, жидовская морда, лентяи, не хотите работать»⁸³.

Придание эксцессам на «Двине» политического характера вызвало недовольство рабочих. Собрание работников цеха отклонило резолюцию о снятии Лиховидова с работы, исключении его из профсоюза и передаче дела в суд. Многие выступавшие, в том числе коммунисты, утверждали, что ничего особенного на фабрике не произошло, что история раздута, выступали в защиту Лиховидова, наконец, требовали увольнения всех участников конфликта. На районной партийной конференции также было высказано мнение, что «Заря Запада» создала много шума из ничего⁸⁴. Руководству пришлось организовать ряд более узких собраний – молодежных, партийных и комсомольских, – на которых и было принято требуемое решение. Лишь под давлением ОГПУ прокуратура начала уголовное расследование⁸⁵.

В октябре 1930 года на витебской фабрике «Профинтерн» произошла история, зеркально повторяющая события на «Двине». Двух рабочих-евреев обвинили в еврейском шовинизме: они сорвали одежду с работницы-белоруски и облили ее холодной водой⁸⁶. Состоялось шумное разбирательство; выяснилось, что издевательства длились несколько месяцев. Точно так же, как и

⁸² «Суд над насильниками со стеклозавода “Новки”» // *Рабочий*, 21 марта 1929; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 609. Л. 583.

⁸³ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449.

⁸⁴ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449–450; N. Kabakov, “Dem emesn ponim fun antisemitizm (A briv fun Vitebsk)” // *Oktyabr*, Dec. 1, 1928.

⁸⁵ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 690. Л. 449–450; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 28.

⁸⁶ Хулиганство на «Профинтерне» (определенное властями как еврейский шовинизм) не было единственным случаем такого рода. В Дубровно, на фабрике «Днепров-

годом ранее на «Двине», евреи «Профинтерна», включая коммунистов, выразили недовольство тем, что событию придается политический характер. Несмотря на требования руководства, они отказывались признать в поведении обидчиков национальные мотивы и квалифицировали этот случай как банальное хулиганство (один из рабочих постоянно приставал к женщинам). Во время собрания один из рабочих высказал распространенное среди собравшихся мнение: «С чего сделали весь шум? Дотронулись до *shikse*, а устроили шумиху с насилием»⁸⁷.

Как и в конфликте на «Двине», эти события были втиснуты в рамки классового подхода: отсталость еврейских рабочих, наплыв выходцев из местечек, слабость интернационализации на фабрике. Нежелание рабочих цеха считать действия хулиганов национализмом было расценено властями как признак того, что «шовинизм на фабрике принял организационные формы», а отсутствие своевременной реакции фабричных коммунистов-евреев – как проявление оппортунизма⁸⁸. Любой конфликт между евреями и неевреями, сопровождавшийся нередкой на фабрике грубостью, мог быть квалифицирован как шовинизм⁸⁹.

Не только власти, но и сами евреи опасались, что такие разбирательства могут лишь обострить межэтнические противоречия: «Суды за антисемитизм еще больше вызывают вражду русских к нам, и все меры советской власти к примирению национальной розни не приводят ни к чему. Русские нас не любят, они теперь молчат, но при случае они нам отомстят»⁹⁰. Действительно, обвинения антисемитизма вызвали недовольство окружающего населения, полагавшего, что евреи искусственно раздувают вопрос («Еврейские работницы у нас слишком чувствительны: не скажи русская работница ни слова – все принимается за антисемитизм»; или: «Теперь антисемитизм их конек и на нем они выезжают»⁹¹).

ская мануфактура», евреи заставляли рабочего-нееврея кричать, проходя по цеху: “*Tsdoke tatsil mimoves*”; лили краску ему в молоко (M. Kantor, “Az der kop iz farfoyln, iz der gantser krank” // *Der emes*, Feb. 21, 1930).

⁸⁷ N. Kabakov, “Der yidisher shovinizm hot af der vitebsker ney-fabrik ‘Profintern’ nit bakumen dem gehovikn vidershtand” // *Oktyabr*, Nov. 1, 1930.

⁸⁸ Ibid.; K., “Der shovinistisher fal in Vitebsk” // *Der emes*, Oct. 28, 1930.

⁸⁹ K., “Nokh an aroystretung fun yidishn shovinizm (Vitebsk)” // *Oktyabr*, Nov. 3, 1930.

⁹⁰ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 746. Л. 363.

⁹¹ Там же.

Таким образом, кампания против антисемитизма, несколько ослабевшая с лета 1929 года, но, тем не менее, не прекращавшаяся до 1934, рассматривалась властями как частный случай общей национальной политики: борьбы против великодержавного шовинизма и местного национализма, включая «еврейский шовинизм». Власти были склонны расширительно толковать все связанные с межнациональной проблематикой события⁹²: увольнение белоруса, совершенное служащим-евреем, и принятие на его место еврея могли квалифицироваться как еврейский шовинизм, а отказ от участия в лотерее ОЗЕТ – как проявление великодержавного шовинизма⁹³. Более того, обвинения в национализме объединялись с общими политическими обвинениями в национал-оппортунизме или в троцкизме. Усиление кампании против белорусского национализма в 1933–1934 годах сказалось на национальной сфере в целом; соответственно усилилась борьба с еврейским и с польским национализмом⁹⁴.

Изменение национальной доктрины в середине 30-х годов – замена интернационалистской концепции экспорта революции на советско-патриотическую – повлияло на подход властей к проблеме межнациональных отношений. Всемирная поддержка национальных меньшинств в ущерб русским сменилась поддержкой всех национальностей, большинство представителей которых проживало в пределах СССР, и в первую очередь русских. К тому же в 1934–1935 годах высокопоставленные советские функционеры заговорили о полном разрешении национальной проблемы в СССР. Секретарь Совета национальностей ЦИК Александр Хацкевич уверял в феврале 1936 года: «Антисемитизм окончательно ликвидирован, стерты с лица земли остатки антисемитизма, который травил и бичевал трудящиеся массы даже еще в первые годы советской власти...»⁹⁵. Замалчивание национальных про-

⁹² М. Бейзер отмечает, что в Ленинграде корреспонденты газет, говоря о предосудительном с точки зрения властей поведении (в какой бы то ни было области), неизменно выдвигали антисемитизм как отягчающее обстоятельство (Бейзер, *Евреи Ленинграда*. С. 113).

⁹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 159. Л. 97.

⁹⁴ Kh. Dunets, *In kamf af tsvey frontn (kegn 'rekhtn' un 'linkn' opneyg un natsyonal oportunizm in der ekonomisher arbet tsvishn di yidishe arbetndike* (Minsk, 1932), pp. 45–53; "An antsheydenem vidershtand. Di antisovetishe aroystretungen afn ideologishe front" // *Shtern*, № 3–4, pp. 91–103; *Oktyabr*, Feb. 8, 1933; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 265. Л. 408.

⁹⁵ Из выступления Хацкевича на пленуме ОЗЕТ в Москве в 1936 г. (ГАРФ. Ф. Р-9498. Оп. 1. Д. 81. Л. 24).

блем в средствах массовой информации отражало увеличивавшийся разрыв между официально пропагандируемым образом счастливой жизни в СССР и реальностью.

Сначала тема антисемитизма переместилась из центральной прессы в местную и национальную⁹⁶; затем слово «антисемитизм» стало все реже встречаться в заголовках статей в национальной прессе, хотя в самих статьях проблема по-прежнему обсуждалась. Наконец, с 1935 года антисемитизм фактически перестает упоминаться в печати как фактор жизни евреев в СССР. Об антисемитизме говорили, чтобы подчеркнуть счастливую жизнь евреев в Советском Союзе, либо сообщая о расцвете антисемитизма за рубежом (в США, особенно в Польше и в Германии), либо рассказывая о страданиях евреев при царизме или во время Гражданской войны (межэтнические проблемы в годы НЭПа упоминались много реже). После начала переговоров с Германией в мае 1939 года, подписания пакта Молотова – Риббентропа и вторжения немецких и советских войск на территорию Польши тема современного антисемитизма в Европе фактически исчезла со страниц советской прессы⁹⁷.

В реальной жизни, однако, антисемитизм продолжал существовать, и случаи, квалифицировавшиеся местными властями как «антисемитизм», были не столь уж редки⁹⁸.

Часть белорусского населения местечек восприняла состоявшуюся в конце 30-х годов ликвидацию еврейских национальных институтов (национальных советов и школ с преподаванием на идише) как признак тотального наступления государства на права евреев. В маленьком местечке Колышки в сентябре 1938 года местная милиция развернула «кампанию по борьбе со спекуляцией», в ходе которой ночью без достаточных оснований были арестованы пятнадцать евреев; они провели в тюрьме четыре с половиной месяца. Представители местной администрации и ми-

⁹⁶ Упоминание случаев антисемитизма в «Правде» в 1935 г. (Костырченко, *Тайная политика Сталина*. С. 110–111) являлось исключением. Власти готовы были использовать антисемитизм как предлог для расправы над неугодными.

⁹⁷ В то же время статьи об угнетении евреев до революции появлялись в еврейской печати и позже, в частности, в контексте присоединенных территорий (Aba Lev, *Fun der pogrom-geshikhthe in tsarishn Rusland ("Der byalestoker pogrom in yuni 1906" // Oktyabr, July 16, 1940)*.

⁹⁸ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 285. Л. 76–77; ГАВО. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 37. Л. 9; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1716. Л. 6; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1028.

лиции не только не пресекали откровенно антисемитские высказывания, но и запугивали еврейское население; известны случаи вымогательств. Антисемитские настроения быстро распространились в местечке, на домах и на колхозном амбаре появились надписи «Все жида спекулянты», такие же речи звучали на собраниях. Двух стариков-евреев вытолкали из очереди за хлебом. Когда закрыли еврейскую школу и перевели учеников в белорусскую, учителя-белорусы высмеивали еврейских учеников. Поговаривали даже, что нет необходимости покупать у евреев дома, поскольку их можно будет скоро получить бесплатно.

В соответствии с официальной советской национальной доктриной этого периода, комиссия, расследовавшая инцидент, в своем отчете подчеркивала конкретную вину отдельных лиц, сведя к минимуму упоминания «народного» антисемитизма. В качестве компенсации за смещение идеологически верного равновесия, за чрезмерное внимание к антисемитизму подчеркивалось недостойное, с точки зрения советской морали, поведение части еврейского населения местечка – «спекуляция», «национализм», «клерикализм» и пр.

Члены комиссии, в которую вошли высокопоставленный чиновник республиканской прокуратуры, представители Витебского областного комитета партии и областной прокуратуры (оба работника прокуратуры были евреями), расширили обвинения в еврейском национализме. Они распространили на евреев формулировки, применявшиеся в этот период, как правило, лишь в отношении поляков, немцев и других «инонациональностей», которые рассматривались как пятая колонна в грядущей войне: «Буржуазные националисты, троцкистско-бухаринские агенты фашизма, долгое время орудовавшие в этом районе, стремились под флагом осуществления национальной политики (создание национального еврейского совета, еврейской национальной школы) оторвать еврейское население от общих задач советской власти и коммунистической партии, подогреть шовинистические настроения, оторвать еврейское население от культуры великого русского народа». Однако официальные постановления белорусских властей не содержали подобных формулировок. В специальном постановлении Бюро Витебского обкома партии говорилось о нарушениях «революционной законности» и об «отдельных фактах проявления антисемитизма» в Колышках, а районной

прокуратуре и милиции предписывалось «привлечь к строгой ответственности действительных спекулянтов, а также лиц, виновных в разжигании национальной розни среди населения»⁹⁹.

Советская антизападная пропаганда, сопровождавшаяся с 1926 года военной истерией, только усиливала агрессивность антиеврейских высказываний. Часть населения, недовольного советской политикой, утешала себя надеждой отомстить во время войны евреям, как, впрочем, и другим чужакам (представителям правящей элиты, специалистам и т. д.), за их успехи и свои неудачи. Работница игольной фабрики в Витебске говорила: «Все жида бляди, я не могу дождаться того дня, когда будет война и смогу тупым ножом резать жидов на улице». Другие были уверены, что после убийства евреев непременно наступит облегчение: «Война нужна, и евреев всех перерезать надо, тогда нам станет легче жить»¹⁰⁰. Таковы были и настроения крестьян, убежденных, что будущая война сметет их главных врагов – большевиков и евреев, виновных в резком ухудшении экономического положения в стране¹⁰¹.

После прихода Гитлера к власти в Германии НКВД стал фиксировать факты поддержки нацистской политики¹⁰², в том числе и антисемитизма. В Полоцке конторщик уже в 1933 году выказывал одобрение: «В Германии хорошо сделал Гитлер, что всех жидов побил, чего они и заслужили. До правления их нельзя допускать, они своей хитростью приносят много вреда, а немцы не дураки, они не то, что наши русские, допустили управлять Россией»¹⁰³. Весной 1939 года корреспондент из Колышек приводил пример распространенного среди белорусов подхода: «Многих евреев арестовали, а остальных разгоним, как разогнали их в Германии»¹⁰⁴.

⁹⁹ Цит. по: V. Selemenev and A. Zeltser, "Kolyshki – A Shtetl in the Late 1930s" // *Jews in Eastern Europe*, № 2 (45) (2001), pp. 58–73.

¹⁰⁰ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 705. Л. 16, 19. О надеждах, возлагавшихся на войну как на способ избавления от большевиков, см. также: Davies, *Popular Opinion*, pp. 94–95. О ситуации в Витебске см.: ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 189. Л. 19.

¹⁰¹ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 285. Л. 77; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1099. Л. 28.

¹⁰² НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1026. Л. 63; НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1028. Л. 59; ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 330. Л. 25; ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 541. Л. 115. О высказываниях в поддержку политики нацистов, в том числе антисемитизма, в других местах страны см.: Davies, *Popular Opinion*, pp. 93–97.

¹⁰³ ГАВО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 189. Л. 112.

¹⁰⁴ НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 1810. Л. 67.

Одним из наиболее распространенных действий, расцениваемых властями как проявление нелояльности, стало изображение нацистской свастики. Возможно, свастика привлекала молодежь того времени в силу запрета на ее изображение, безотносительно к реальной политике Германии и к антисемитизму. Так, в 1935 году свастику на дверях, на партах, на спинах друг у друга рисовали ученики школы № 104 местечка Сенно (с обучением на идише).

В целом в 30-е годы стало меньше проявлений антисемитизма и антиеврейских высказываний, зарегистрированных НКВД и отмеченных в партийных документах. Скорее всего, это было связано как с ослаблением внимания властей к национальным меньшинствам во второй половине 30-х годов, так и с переменами в обществе.

3. Ксенофобия и кризисы в советском обществе

Межэтническое противостояние на протяжении межвоенного времени знало подъемы и спады.

Усиление антисемитизма во второй половине 20-х годов проявилось первоначально в быстро растущих советских мегаполисах – Москве и Ленинграде. Объяснялось это, по-видимому, как наличием более широкого, нежели в провинции, слоя образованного населения, склонного к теоретическим обобщениям, недовольного социальной политикой властей и обеспокоенного растущей конкуренцией евреев, так и общими процессами модернизации, протекавшими значительно интенсивнее, чем в провинции. Однако к концу 20-х годов модернизация усилилась и в провинциальных городах.

Революция 1917 года сломала традиционные устои жизни городского населения (отношение к собственности, поведенческие стереотипы, взгляды на положение женщины в обществе, на брак и семью); города страдали от острых экономических проблем, от нехватки жилья и от сильной безработицы. В широких слоях населения, включая новую советскую элиту, рабочих и служащих, особенно выходцев из деревень, все чаще встречались такие отклонения от нормативного поведения, как рукоприкладство, пьянство и проституция; все реже вспоминали об уважении к человеческому достоинству. С одной стороны, сказывался кри-

зис традиционного сознания приезжавших в город крестьян. С другой стороны, мигранты из деревень, нахлынув в города, принесли с собой сельскую культуру, которая оказывала влияние и на городское население.

Отклонения от нормативного поведения были столь часты, что в 1926 году власти были вынуждены начать массовую кампанию против хулиганства и пьянства, которые превратились в общее бедствие. Грубость была нередким явлением на заводах и фабриках Витебска и округа¹⁰⁵. Неудивительно, что хулиганство приобретало этническую окраску, усиливая межнациональную напряженность.

Дестабилизация конца 20-х годов, как экономическая (ухудшение условий жизни, недостаток продовольствия и предметов первой необходимости), так и политическая (сворачивание НЭПа, дискредитация прежних кумиров, военная истерия), и дискомфорт от быстрой модернизации вызвали всплеск недовольства. Население, особенно провинциальное, обвиняло торговцев, наживавшихся на тяжелом продовольственном положении, и чиновников, которые, игнорируя нужды населения, отправляли зерно за границу. Обе эти группы в значительной мере ассоциировались у жителей Витебска и региона с евреями, традиционно занятыми торговлей или быстро продвигавшимися по службе. Подозрительность усиливалась продолжавшимся противостоянием между еврейским городом и белорусской деревней, между рабочими, крестьянами и интеллигенцией.

Однако в конце 1929 года и в 1930–1932 годах население региона пережило шок от жестокости, с которой проводились коллективизация и раскулачивание, и от методов борьбы с мелкой городской буржуазией (изъятий, обысков, арестов). Население все чаще винило в происходящем саму власть, высших государственных чиновников, живущих в иных условиях. Значительно уменьшилась традиционная для России вера в непричастность высшего руководства страны к происходящим событиям. Во второй половине 30-х годов, когда вместо провозглашавшегося ранее революционного аскетизма в быту появилось раздражающее население подчеркнутое внешнее благополучие и сопутствующее ему в условиях дефицита неравенство в распределении благ – за-

¹⁰⁵ *Заря Запада*, 20 марта 1929; *Рабочий*, 21 марта 1929.

крытые распределители, «блат» и пр., – возросла, по-видимому, враждебность к новой советской бюрократии («выдвиженцам»), среди которой было немало бывших крестьян.

Можно предположить, что вспышка антисемитизма в 1928–1929 годах лишь опередила общий подъем ксенофобии в обществе. На фоне усилившейся социальной напряженности и кризиса традиционного сознания, во время массового наплыва неславянских и нехристианских групп населения (в первую очередь мусульман) в города, на «стройки пятилетки», межэтническая напряженность заметно усилилась¹⁰⁶. Опережающий рост антисемитизма, скорее всего, был связан с более заметным социальным продвижением евреев.

Антисемитизм существовал в советском обществе на всем протяжении 30-х годов. Тем не менее донесения НКВД, фиксирующие высказывания населения, показывают, что евреи как мишень для недовольства не занимали во второй половине 30-х годов доминирующего положения, как это было, по-видимому, в конце 20-х. Основной мишенью стала сама власть, в том числе высшее партийное руководство. Недовольство было вызвано социальной и экономической политикой, борьбой с религией и т. д. Причем такая ситуация была характерна и для донесений о настроениях среди крестьянства в 1937 году, где антисемитские высказывания упоминались много чаще, чем в других отчетах. Этим переменам способствовал ряд причин.

Столкнувшись с сильным продовольственным и товарным голодом в начале 30-х годов, а затем, в меньшей степени, в 1936–1937 годах, население было больше озабочено проблемой физического выживания, приспособления к ситуации, чем поиском виновных. В этих условиях к евреям испытывали скорее безразличие, чем выраженную враждебность, хотя противостояние «свой – чужой», характерное не только для межэтнической, но и для социальной сферы (рабочие – крестьяне, кооперированные крестьяне – крестьяне-единоличники, население – местная и центральная бюрократия), не исчезло. Кроме того, нужда ломала старые стереотипы; неофициальной торговлей («спекуляцией», по официальной терминологии) занималась значительная часть

¹⁰⁶ Шварц, *Антисемитизм в Советском Союзе*. С. 105–107; Костырченко, *Тайная политика Сталина*. С. 108.

населения как в городе, так и в деревне, вне зависимости от этнической принадлежности.

Индустриализация, в том числе и в провинции, а также введение в 1932 году паспортной системы и прописки, ограничившее миграции населения, способствовали снижению безработицы. Избыток рабочей силы, включая выходцев из деревень, стремившихся вырваться из колхозов или бежавших от раскулачивания, реализовывался на новых советских предприятиях, как правило, в промышленных центрах РСФСР и Украины.

На уменьшение открытых проявлений ксенофобии влияло насаждение мифа о счастливой жизни в СССР. Советская пропаганда предложила другого многоликого врага¹⁰⁷, на фоне которого образ еврея поблек. Не исключено также, что во второй половине 30-х годов не столь остро проходил кризис традиционного сознания. Теперь население городов в значительной степени уже состояло из бывших крестьян и выходцев из местечек, и приобщение мигрантов к городской жизни проходило в более привычном им окружении.

Кроме того, сказывалась угроза наказания за проявление межэтнической нетерпимости. Работники государственного сектора (как евреи, так и неевреи), скорее всего, осознали опасность увольнения «за национализм»: в начале – середине 30-х годов при такой записи в трудовой книжке вероятность устроиться на предприятие или в государственное учреждение без особого разрешения президиума горпрофсовета была очень мала¹⁰⁸. Со стороны особенно осторожных еврейских рабочих можно было услышать: «Не тронь ее, она белоруска (“*chepe ir nit, zi iz a vaysrusishe shikse*”)¹⁰⁹». В другом случае житель Витебска, нееврей, бросил своей жене: «Брось с этими жидами ругаться, а то из-за тебя нагадят мне как коммунисту»¹¹⁰.

¹⁰⁷ Об отношении населения к навязанному официальной пропагандой психозу вредительства и шпиономании см.: G. T. Rittersporn, “The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics in the 1930s” // J. A. Getty and R. T. Manning (eds.), *Stalinist Terror: New Perspectives* (Cambridge University Press, Cambridge, 1993), pp. 99–115.

¹⁰⁸ Протокол заседания президиума горпрофсовета от 28.1.1934 (ГАВО. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 56. Л. 11).

¹⁰⁹ “Vitebsker partey un proforganizatsyes muzn likvidirn di durkhreysn afn gebit fun vaysrusizatsye un internatsyonaler dertsung” // *Oktyabr*, Dec. 26, 1930.

¹¹⁰ ГАВО. Ф. 10051. Оп. 1. Д. 746. Л. 366.

Трудно оценить эффективность административных и уголовных мер воздействия для ослабления межнационального противостояния; тем не менее, население воздерживалось от публичных выступлений – и это способствовало уменьшению открытой межэтнической конфронтации.

Даже те неевреи, что относились к евреям с предубеждением, далеко не всегда были готовы к открытому проявлению ксенофобии. Обобщенный отрицательный образ еврея, подкрепленный множеством стереотипов, как это нередко случалось в истории, отступал на второй план, когда приходилось в повседневной жизни сталкиваться с евреем – конкретным человеком. В 30-е годы не столь редки были и смешанные браки, причем существовала тенденция к увеличению их числа¹¹¹. Беженец-еврей из Польши, оказавшийся в Витебске, отмечал в 1939 году дружеское отношение неевреев, с которыми ему приходилось работать, их готовность посвятить его во все специфические стороны жизни в СССР¹¹².

Вместе с тем можно предположить, что враждебность части населения к евреям не исчезла; потребовались лишь подходящие условия, чтобы она проявилась в полной мере. Неудивительно, что антисемитские высказывания и выходки (впрочем, как и антисоветские и антисталинские выступления вообще) исходили часто от максималистски настроенных школьников и студентов, не постигших правил поведения в советском обществе 30-х годов¹¹³.

* * *

Взаимные стереотипы евреев и неевреев включали как традиционные предубеждения, существовавшие до революции (религиозные и этнические), которые в советских условиях трансформировались и приобрели новые черты, так и новые, появившиеся после революции, в связи с эмансипацией русских евреев, и усиленные советской национальной и социальной политикой.

¹¹¹ M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile* (Jerusalem, 1998), pp. 75–76, 268–270.

¹¹² Архив Яд Вашем (АЯВ). М10. АР-1. 456.

¹¹³ ГАВО. Ф. 10058. Оп. 1. Д. 330. Л. 25.

Неевреи видели в евреях паразитический слой населения, занятый чуждой деятельностью (торговлей), говоривший на чужом языке и исповедовавший чуждую религию. По мере социального продвижения евреев усиливались представления о еврейской круговой поруке и о дискриминации неевреев. Со своей стороны любые решения в пользу белорусов и русских евреи воспринимали как проявление антисемитизма.

Социальное продвижение евреев вызывало недовольство как собственно городских жителей, опасавшихся конкуренции на рынке труда, так и недавних мигрантов из крестьян, сохранявших тесные связи с деревней. Они были недовольны самим фактом «продуктивизации» евреев, использованием идиша в качестве основного языка на некоторых предприятиях, расценивая это все как особые «еврейские привилегии». Евреи же воспринимали первоочередное наделение землей белорусских крестьян как ущемление своих национальных прав.

В межвоенные годы все социальные и экономические неурядицы неизменно сопровождались усилением межэтнической напряженности. Недавние крестьяне были недовольны своим положением в обществе, и этот дискомфорт малообразованных людей, тяжело переживавших кризис традиционного сознания, нередко сопровождался агрессивностью, находившей выход в особо чувствительной межэтнической сфере. Агрессивность же обращалась против чужака, а чужака в Витебске нередко отождествляли с евреем, олицетворявшим иной – городской – образ жизни. Наиболее ярко это проявилось в годы свертывания НЭПа, когда проявлений антисемитизма стало так много, что власти сочли нужным вмешаться. Последовавшее затем сокращение числа межэтнических эксцессов, как по отношению к евреям, так и со стороны евреев (хотя вторых было намного меньше), было связано не только с жесткой позицией властей, но с потрясением от коллективизации и от почти полной ликвидации городского частного сектора, с адаптацией недавних иммигрантов к городским условиям. Население было больше озабочено проблемами выживания, чем поиском виноватых, к тому же недовольство в значительной мере сместилось на саму власть.

Вместе с тем межэтническая напряженность не исчезла, антисемитизм сохранялся в латентных формах, и любые изменения в политической сфере могли привести к антиеврейским эксцессам.

Ликвидация еврейских национальных учреждений в Белоруссии в конце 30-х годов была воспринята частью населения как ослабление позиций евреев, как введение антиеврейских ограничений, как знак, что власти намерены в этом вопросе следовать примеру нацистской Германии.

Таким образом, нацистская антисемитская пропаганда в годы войны легла на подготовленную почву. Затаенные до времени предубеждения против евреев, уверенность в существовании «еврейского засилья», в том, что евреи не хотят заниматься честным трудом и служить в армии, в годы войны приобрели открытые и достаточно массовые формы. Давнее напряжение прорвалось вспышкой антисемитизма, как в советском тылу, так и на территориях, подвергшихся нацистской оккупации, и во многом определило отношение местного населения к Холокосту.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
"Inter-War Ethnic Relations and Soviet Policy: The Case of Eastern Belorussia"
в Yad Vashem Studies 34 (2006) pp. 71-102.*